

Махкам Махмудов
(Написана в соавторстве с И. Джумановым.)

В НЕВЕДОМОМ МИРЕ

Фантастическая повесть

Перевод Исфандияра

Было бы правильнее называть нашу планету не Землей, а Океаном. В действительности более 70 процентов нашей планеты составляет Мировой океан. В недрах этого бескрайнего подводного царства обитает бесконечное множество живых существ.

Теша Захидов.
доктор зоологических наук, академик
АН Узбекской ССР, действительный член
Индийской Международной зоологической
Академии

Странный человек появился недавно в нашем маленьком кишлаке, затерянном в горах. Зовут его дедушкой Асадом, но на старика он не похож: высокий, подтянутый. Пожалуй, только небольшая борода и проседь в густых еще волосах выдают возраст. Когда смотришь в глаза, кажется, они могут вместить весь мир - столько в них ума, блеска и вместе с тем какой-то грусти. Дедушка Асад - старый моряк. В наши края, говорят, он приехал искать родственников и близких, с которыми расстался мальчишкой, отправляясь в дальние края.

Никого старый Асад не нашел. Ведь минуло полвека. Одних убрал голод, умерли и те, кого и он пощадил, и болезни.

Поселился в одном из заброшенных домов, чтобы, как он сказал, хоть умереть на родине.

Лето еще только кончалось, а во дворе уже было прохладно, августовские утра туманны и свежи, и над речкой, протекавшей во дворе, стлалась голубая дымка. Одинокий тутовник стоял возле воды и бросал на дом зыбкую тень. Воркуя, по двору важно бродили горлинки, изредка вспархивая над мокрыми камнями, по которым катилась речка...

Как водится у нас, к старику стали наведываться люди. Но дедушка Асад их не привечал да и разговаривал с ними неохотно.

И все-таки каждый день кто-нибудь заглядывал к нему: то принесут кисть винограда, то просто спросят, не нужно ли помочь. Каждый понимает, что даже к родине надо привыкать понемногу - иначе средце может не выдержать, потому что не шутка прожить пятьдесят лет вдали от родных мест.

Но приближалась осень, а в заброшенном доме, где поселился

Асад, зимовать нельзя. Что станет делать старик? Этот вопрос занимал всех.

- Гость может оставаться у нас - дом большой, - сказал однажды Абдукадыр-ата так громко, чтобы слышал Асад. Но тот молчал, задумчиво посасывая свою неопределенного цвета трубку.

- Хорошо, когда над головой своя крыша, - заметил поливальщик Шарахмат. - Вот Астанакул в город переехал, а дом его стоит без присмотра, совсем еще новый, не то, что этот.

- Но у него, может быть, нет денег, - зашептал Сиражиддин.

- А если мы сторгуемся и купим ему этот дом? - предложил Шарахмат.

- Мы? - удивился Сиражиддин.

- А что стоит всей деревне дом купить? - продолжал Шарахмат. Астанакул говорил, что если сторгуетесь, посоветовавшись со стариками, можете и продать, чтобы не стоял без присмотра.

Дедушка Асад сидел на большой деревянной кровати и молча наблюдал за ними, потягивая трубку. Старики говорили вполголоса, чтобы не втягивать его в свой разговор. Речь шла теперь о доме Астанакула.

- Там тридцать пять тополей. Двенадцать яблонь, урючин и персиков. Двор - пятнадцать соток. Но крыша камышовая, так что тысяча за семь хозяин согласится, - оценил Юлдашбек-ака.

- Многим придется скидываться, - не соглашался Сиражиддин. - Пять тысяч тоже немало.

Дедушка Асад откашлялся, вытащил из-за пазухи кожаный кошель и бросил его на стол перед людьми. Все замолчали.

- Ну, коль так, тогда...-Шарахмат-поливалыщик открыл его и принялся считать деньги.

"Двести, триста, шестьсот", - мысленно повторяли за ним окружающие.

- Семь тысяч восемьсот, - радостным тоном раньше всех сообщил сидевший в стороне Сиражиддин.

Шарахмат отсчитал тысячу шестьсот рублей и протянул Асаду.

- Ну, давайте руку, ата, пусть горе не заглядывает на ваш порог, сказал он громко.

- Спасибо вам, - кивнул старый Асад. - Спасибо, земляки. Пятьдесят лет пропадал, а сейчас снова чувствую себя дома. Вы так заботитесь обо мне, даже не спросили, где был, откуда пришел. Простите, что иногда неласков. Придет время, и я вам все расскажу. Если не от меня, так пусть от других вам вернется добро. Приходите, гостями будете.

Долго говорить старик был непривычен. Но в голосе его звучала такая теплота, что всем стало тоже хорошо. И хотя старик опять замолчал, все уходили от него словно просветленные. Хороший был день!

* * *

"Где был, откуда пришел, даже не спросили. Придет время, и я вам все расскажу", - эти слова нарушили мой покой. Что же может он рассказать? Какую тайну скрывают этот высокий лоб, эти сверкающие глаза?

Я долго придумывал причины, чтобы пойти к старому Асаду.

И однажды утром с робостью вошел в его дом. Вопреки привычке многих стариков рано вставать, он спал крепко и спокойно. Я нерешительно остановился у двери.

- Чего тебе? - вдруг спросил он, внезапно пробудившись.

- Простите, отец, - сказал я робко. - Я читал в прошлом году в районной газете, что в Зармасском ущелье пастух убил волка. За это получил теленка. А что, если нам с вами тоже попытаться?

Дедушка Асад вначале удивился, потом, пристально посмотрев на меня, легко встал, прошел во двор. Я молча ждал.

Он умылся прозрачной водой из речки и, наконец, сказал:

- Если в газете написали, значит, правда. Что ж, давай попробуем и мы. Я знал, что волка мы не поймем, но на всякий случай приготовил капкан, веревку, запасся едой. Наверно, он тоже это понимал, но об охоте, о волках ничего не говорил. А беседовали мы по пути к Зармасскому ущелью в основном о нашем кишлаке и его прошлом. Чувствовалось - старый Асад с удовольствием вспоминает разные смешные случаи из своего детства. И рассказывал он о них весело, смешно. Я удивлялся - откуда у этого неразговорчивого человека столько бодрости и юношеского задора?

В ущелье мы выбрали местечко поудобнее и сложили принесенное. Я собрал сухие прутья, разжег костер. Мясо и помидоры нанизал на прутья и стал делать шашлык. Под горячие угли положил картофелины. Вскоре запахи еды стали наполнять вечерний воздух. Уже начинало темнеть, и словно кто-то набросил розоватую шаль заката на плечи гор. Шумела река, сильно пахло травами. Ящерица проползла недалеко от нас, высоко поднимая изумрудную точеную головку.

- Я же знаю, зачем ты меня сюда пригласил, - неожиданно заговорил старый Асад. - Наверно, ждешь не дожدهшься рассказа о моих приключениях?

Я радостно кивнул.

- Хочешь, я расскажу тебе интересный случай из моей жизни? Да ты не поверишь. - На меня искренне смотрели его светлые задумчивые глаза.

* * *

- Знаешь, сынок, я сначала служил в царской морской пехоте, начал он свой рассказ. - А потом устроился на торговый корабль.

Мы возили в разные страны пшеницу, рис, хлопок, а привозили дорогие фарфоровые изделия, пряности, черное дерево. В тот раз, о котором я хочу тебе поведать, мы отправились в северные страны. Когда миновали Исландию и стали приближаться к Гренландии, по радио предупредили: будет сильный тайфун.

Даже опытные моряки нахмурились - их не радовало испытание. Капитан приказал отыскать укрытый залив, чтобы переждать непогоду. .. Залив отыскали. Синяя-синяя вода, неприветливые пустынные берега, тем не менее, радовали нас. Двое с половиной суток мы здесь отстаивались. Если бы служба матроса состояла только из плавания в безбрежном океане, у него, наверно, не хватило бы терпения. Но по пути встречаются новые города, люди, и это скрашивает тяготы морской службы. Вот и сейчас: оказавшись впервые в этих северных широтах, мы решили осмотреть все вокруг. Для знакомства с островом нам выделили шесть часов. Мы сели в лодку и поплыли к берегу.

Там, прежде всего, нужно было оставить дежурного, чтобы смотрел за лодкой. Дежурным назначили меня, и настроение мое сразу упало. Шесть часов испытывать одиночество, пока товарищи осматривают остров! А они, торжественно вручив мне лодку, а меня - богу, стали подниматься по отвесному берегу и вскоре исчезли из вида.

Дул холодный, порывистый северный ветер, и, наверно, потому мне стало совсем тоскливо. Я лег на дно лодки и стал смотреть вверх. Большие, тяжелые облака плыли по небу, и мне хотелось подняться к ним и вместе медленно плыть, не думая и не печалась ни о чем, долго-долго...

Я устал ждать. И стал придумывать, как насолить товарищам.

А что, если перегнать лодку в другое место? Пусть поищут ее, когда вернутся. Но большая лодка подчинялась мне плохо, волны все время пытались отогнать ее от берега. Весло вырывалось из рук, и я промаялся часа два, прежде чем нашел небольшую промоину, где низкий песчаный берег показался мне еще более пустынным и диким, чем на старом месте. Но зато здесь явственно ощущалось тепло. Да, я не ошибался: вода на ощупь оказалась очень теплой. "Наверно, поблизости есть теплый источник", - подумал я.

Успокоенный этой мыслью, я задремал, но вдруг внезапно открыл глаза. Прямо на меня плыла какая-то сверкающая рыба. Да нет, не рыба. В воде, покачиваясь, на меня двигалась не то большая кожаная подушка, усыпанная стекляшками, не то кусок драгоценной парчи, размокший в соленой воде. Забыв о лодке, я стал пристально всматриваться в воду. А что, если

мне сейчас посчастливится найти что-нибудь необычное? Море всегда полно тайн неразгаданных, непостижимых. А эта вещь и вовсе необычна: плывет на глубине метра в полтора, не тонет, но и не поднимается на поверхность. Словно висит в воздухе. Не долго раздумывая, я нырнул. Черт возьми, подумал минуту спустя, я ведь мог раздеться. Но было уже поздно.

Я схватил непонятную вещь и попробовал залезть в лодку.

Намокшая одежда тянула вниз. Чтобы удержаться на воде, я с трудом переложил в лодку найденное. Но справиться с лодкой не мог: наклоняясь, она все больше наполнялась водой. Наконец, случилось то, чего я боялся больше всего: лодка перевернулась. Моя находка выпала и стала медленно погружаться в воду. Я, не колеблясь, оставил лодку и опять нырнул за своей находкой. Выйдя из воды, выжал одежду и расстелил ее на камне. В воде было тепло, а здесь, на воздухе, я зябнул. Дрожая от холода, все же стал рассматривать находку. Не может быть, чтобы судьба посмеялась надо мной...

Она была больше всего похожа... на книгу. Да-да, на книгу, но какую! Листы ее были сделаны из перламутровых рыбьих пузырей, тщательно очищенных и испещренных красноватыми значками. Обложка - из рыбьей чешуи, украшенная крупными драгоценными камнями. Я наклонился. Нет, я не ошибся! Плавая на торговом корабле, я научился разбираться в драгоценностях. Переплет украшали продолговатые серебристые жемчужины. На обложке - большие красноватые камни - гранаты. А вот эти, которые, как капли воды, наполнились прозрачным светом и вспыхнули отблесками синей воды, это, конечно, бриллианты! Не слишком хорошо ограненные, но самые настоящие, чистой воды!

Но если это книга, то что же в ней написано? Красноватые знаки я никогда не встречал. Тем не менее с каждой минутой во мне росла уверенность, что это книга, и написана человеком, знавшим восточные языки. При мысли об этом от книги повеяло чем-то очень таинственным, и сердце мое учащенно забилося. А что, если здесь сведения о затонувшем кладе или какие-нибудь научные открытия, и мое имя станет известно всему миру?

Но надо было позаботиться и о своей безопасности. Лодка, наполненная водой, затонула, и я вплавь добирался до берега. И хотя было здесь сравнительно неглубоко, одному достать лодку со дна мне не под силу. Оставалось одно - ждать.

Но найдут ли меня товарищи? Я вздумал подшутить над ними - как бы теперь судьба не подшутила надо мной! Выбраться на берег невозможно каменные скалы, казалось, наклоняются над протокой. Я осторожно перевязал книгу шейным платком, надел невысохшую штормовку и осторожно прилег на камни. Меня знобило, и я не мог согреться.

Становилось все темнее. Прошли уже шесть часов, отпущенные моим товарищам для осмотра берега. И только отчаяние стало закрадываться в душу, как впереди показался свет. Это катер прожекторами прочесывал берег. Меня искали. Я вскочил, замахал руками.

Но вокруг было темно, прожектор равнодушно скользил по берегу, по скалам. Вдруг я не попаду в его спасительный свет? Я закричал, крик мой эхом пронесся над пустынным берегом и затерялся в каменных громадах.

Но цепкий луч нашел меня. И тогда я впервые испугался: что скажут товарищи мне, без всяких видимых причин потерявшему, вернее погубившему лодку? И где я возьму деньги, чтобы возместить потерю? Я не сомневался в том, что наш капитан, человек осторожный и расчетливый, заставит меня платить за лодку.

На катере были все, кто вместе со мной выехал на прогулку.

Их нашли раньше. Все они были встревожены моим исчезновением.

- Что случилось? Где лодка? - спросил старший матрос Макар.

- Перевернулась, - я опустил голову как провинившийся школьник.

- Как перевернулась? - в один голос закричали мои спутники.

- Тебя же оставили в безопасном месте! - заметил Макар.

Что я мог ответить? Что по-мальчишески спрятался, чтобы поиграть с товарищами? От стыда я все ниже опускал голову. А неумолимый Макар все допытывался, и я, краснея, сочинил какую-то фантастическую историю о том, что заметил подозрительных людей и, опасаясь, чтобы не отобрали лодку, завел ее подальше. Кажется, они поняли, что я придумываю, но времени, чтобы детально разобраться во всем, не было: стало совсем темно, надо было возвращаться на корабль.

А еще нужно было поднять со дна лодку. Несколько матросов, обвязавшись веревками и прихватив закрытые фонари, нырнули под воду. Стоя на катере, я видел, как передвигались по дну красноватые пятна света. Я чувствовал себя преступником: на груди моей, привязанная платком, лежала большая книга, драгоценные камни при малейшем движении царапали грудь.

Я никому не показал находку - ее могли у меня отобрать и капитан, и штурман, да и мои товарищи уже не казались мне теми простыми, добродушными парнями, с которыми я до сих пор делил все тяготы матросской жизни. Меня отделяла от них тайна, и я хотел, чтобы она оставалась только моей тайной...

Через полчаса лодка показалась на поверхности. Ее быстро взяли на буксир и потащили за собой. Мне удалось спрятать таинственную находку в матросском сундучке. Правда, для этого пришлось выбросить из него кое-какие вещи, но я утешал себя тем, что, вернувшись, возьму все расходы. Да и любопытство мучило меня все сильнее: что же это за таинственная книга? О чем в ней написано?

Часто при тусклом свете лампочки, когда все вокруг засыпали, я в своей каюте осторожно доставал книгу и принимался разглядывать таинственные знаки. Однажды мне показалось, что я видел что-то подобное. Память подсказала: похожие знаки видел, когда наш корабль заходил в бомбейский порт. В самом деле, не на санскрите ли написана книга? Если так, то в ней обязательно сокрыта тайна.

Иногда, особенно в конце плавания, приходила мысль: отодрать от обложки хоть один драгоценный камень - денег почти не было - я платил за повреждение лодки. Но я сдерживал себя. Команда могла узнать, что я продал драгоценный камень, а тогда кто сможет поручиться, что мой сундучок не будет подвергнут самому тщательному осмотру? А вдруг это необыкновенная музейная ценность? И не будет ли это варварством - лишить книгу ее драгоценного украшения? Какникак, я окончил школу, считал, что немного знаю искусство, и гордился своими небольшими познаниями, которые как будто выделяли меня из всех остальных.

А жизнь на корабле шла своим чередом. Плавание проходило почти до конца при великолепной погоде. Я радовался нежному дуновению ветра, бескрайнему голубому небу и томился от радостного предчувствия - по окончании плавания меня ожидало раскрытие тайны! Эти дни я запомнил как самые, пожалуй, счастливые в жизни. Ведь чаще всего прекрасно время ожидания, потому-то даже самое большое счастье так не возвышает, как время ожидания его. Я мечтал. Найденная тетрадь откроет всему миру мое имя. Газеты и журналы напечатают мои фотографии, расскажут мою биографию, а окружающие с благоговением будут смотреть на меня.

Как говорят в народе, разум имеет границы, а глупость безгранична. Иногда приходили иные мысли. Один камешек с обложки мог сделать меня сравнительно богатым. А если я умру или погибну, что станет с книгой? Не лучше ли воспользоваться ее украшениями сейчас? А вдруг мне показалось, что это бриллианты? Приеду домой и окажется, что это простые стекляшки, и останусь я, как и прежде, никому не известным матросом, неудачником,

придумавшим сказочную историю?

Сойдя на берег, с тщательной предосторожностью я нашел молодого ученого. Показал ему надпись, аккуратно срисованную с обложки, и попросил определить, что это за знаки.

- Это санскрит! - воскликнул он, едва взглянув на надпись. - Откуда это у вас?

Мне хотелось показать ему книгу, но я не осмелился. Подумал: а вдруг кто-нибудь узнает, что у меня есть такая драгоценность, и непременно захочет присвоить ее?

Не буду рассказывать, как в конце концов, сняв драгоценный переплет, я позволил перевести эти записи. Но не все. О некоторых я расскажу тебе сейчас. Я очень часто перечитывал их, и многое запомнилось так, словно все это я сам написал. Ведь память человеческая - необыкновенное чудо. Из нее могут выпадать годы, важнейшие события, а крошечные, напротив, иногда помнятся очень ярко. А разве сны, которые мы видим, не оставляют следа в нашей памяти? Итак, я начинаю рассказ о том, что я прочитал в загадочной книге, красные знаки которой оказались древнеиндийским языком, ведомым теперь лишь ученым и чудакам...

"Если ты, дорогой читатель, познакомишься с моими записями, прошу тебя лишь об одном: не посчитай меня фантазером, не думай, что все рассказанное здесь - фантастика, которая может прийти в голову какому-нибудь сумасброду.

Правда, все, что я видел, кажется сказкой - далекой, неосуществимой. Но я, девятнадцатилетний индийский юноша, видел эту сказку воочию, воочию убедился в том, что на нашей планете так много нераспознанных чудес, что только для разгадки их должно было бы бросить все силы, которые мы используем лишь для того, чтобы показать ближним своим власть и силу, возможность распоряжаться чужими жизнями.

Подумать только: когда-то, возможно, у нас в послушании будет само солнце. Его безграничную силу люди научатся использовать в своих целях. Распознают и поставят себе на службу поистине колоссальные энергию и богатства океана.

Так и вижу - под водой растут и растут новые прекрасные города, способные прокормить всех голодных, дать жизнь и жилье всем желающим. Возможно, это будут города под огромными прозрачными колпаками. А может быть, люди научатся дышать водой - ведь все мы родились в воде. Маленькие дети плавают в воде, как рыбы - их никто этому не учит. Только потом, проведя несколько месяцев вне воды, они как будто заново учатся этому искусству искусства, которое от рождения было в них! Разве это не говорит о том, что все мы - дети океана, мы просто ушли далеко от своего отца, и нам, издерганным и измученным бесконечными войнами, нужно вернуться туда, откуда мы пришли?

Может быть, мои мысли покажутся нелепыми. Может быть... Но если бы вы видели то, что увидел я! Тогда бы и вы поверили, что жизнь может быть нескончаемой, что болезни могут отступать, как страшные привидения, которым не дано воплотиться в реальность!

Пишу эту книгу и думаю: что, если до вас не дойдет то, что я написал не -карандашом, а, кажется, кровью сердца! Еще одна великая тайна природы останется неизвестной людям, еще одно чудесное событие будет похоронено природой, которая все еще не открывает нам всех своих тайн, хотя мы уверяем себя, что не только постигли и покорили ее, но и превзошли, потому что научились создавать несколько десятков соединений, которых нет в живой природе!

Я тоже так думал - до недавнего времени. Я был мечтательным, но уже испорченным цивилизацией парнем, который чувствовал себя ее венцом. Правда, имя - пока еще не столь громкое - я себе составил, вместе с коллегой побывав в местах, где еще не ступала нога человека.

Меня манили исследования, властно звали места, которые человек еще не покорил. И потому я обрадовался, получив однажды письмо от известного японского океанографа,

профессора Есано. Он приглашал меня на работу. Предлагал контракт. Условия прекрасные: денег я должен был получать в два с половиной раза больше, чем раньше. Работа показалась мне легкой: опробовать специальный скафандр, опускаться в нем глубоко в океан и ловить неизвестных рыб, а заодно изучать подводную растительность.

Одно меня озадачило: до сих пор я только поднимался - в горы, на дикие плато, как же смогу я работать на дне океана? Но ответ я отправил очень быстро.

Вскоре из Японии на мое имя пришли деньги и вызов. Мне сообщили, что я еду в Японию на исследования, связанные с планом работы двух наших стран. Но выехать мне не пришлось: профессор Есано сообщил, что работы решено проводить у островов Индийского океана и скоро он с сотрудниками прибывает к нам.

Я очень быстро привык к новой профессии. Кроме меня, в экспедиции были два здоровенных японских парня, Кандзе и Нидзе, мой соплеменник индус Радж и два американских негра - Том и Джим. Профессор знал тринадцать языков, нам было очень легко с ним и работать, и отдыхать. В самом деле, отдыхали мы, пожалуй, больше, чем работали. А может быть, это только казалось, потому что каждый спуск под воду приносил так много интересного и необычного, что слово "работа" не совсем подходило к тому, чем мы занимались. На нашем небольшом корабле, похожем на "Наутилус", были только лаборатории, где работал, кроме профессора, его ассистент. Выходили мы в город редко, в основном тогда, когда кончалось горючее. Но мне и не хотелось покидать корабль.

Когда прошли первые дни, потребовавшие немалой выдержки, чтобы приспособиться к новым, необычным условиям, я стал находить в этих занятиях глубокое удовлетворение и даже оказался самым выносливым и работоспособным в группе. Мне казалось - я был способен провести здесь всю жизнь.

Было воскресенье. Наш руководитель получил радиogramму с приглашением на международное совещание ученых-гидрогеографов и почти сразу же уехал, попросив не прерывать ежедневных тренировок, чтобы не терять форму. Том Уолн был очень доволен - ему давно хотелось пополнить свою коллекцию ракушек. Меня огорчало то, что профессор не разрешал одновременно с основной работой проводить какие бы то ни было исследования. Поэтому, как только Том стал собираться под воду, я немедленно вызвался его сопровождать.

Дул несильный ветер. Корабль покачивался. Вода была холодной и неприветливой. Но едва мы ушли на глубину, как привычное чувство успокоенности и восхищения охватило меня. Позади остались все заботы.

Мы проплыли немного, и Том занялся сбором ракушек. Я решил уклониться в сторону от корабля, чтобы посмотреть поближе подводные горы, которые мы видели при прошлом погружении.

Темнело: я опускался все глубже. Мимо меня проплывали огромные рыбы, тускло поблескивавшие в темноте. Внизу колыхались гигантские водоросли, они были похожи на щупальца каких-то диковинных животных, которые притаились в глубине. Вдруг впереди блеснул свет. Что это? Неужели еще кто-то проводит здесь исследования?

Я поплыл быстрее и вскоре увидел источник света: какое-то живое существо, круглое, словно шар, испускало лучи, может быть радиоактивные. "Нужно держаться подальше, это может быть опасно", подумал я и попробовал тихо отплыть, чтобы издали рассмотреть существо. Но тут же почувствовал, что не могу этого сделать - меня притягивала к нему какая-то таинственная сила, и чем больше я сопротивлялся, тем сильнее приближался к нему. Я с ужасом пробовал вырваться из невольного плена, но тщетно. Это было, наверное, забавным зрелищем: отчаянно дрыгая руками и ногами, я пытался увернуться, несколько раз даже кувыркнулся, словно акробат.

Может быть, существо обладало сильным магнитным полем? А если оно радиоактивно, встреча с ним не пройдет бесследно. Холодея, я словно чувствовал, как мощное излучение убивает во мне кровь, как начинают свое отчаянное наступление лейкоциты... Я хорошо знал все признаки этой "белой смерти": у нас на борту были японцы, и от них я слышал о последствиях ужасного взрыва атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки!

Меня все быстрее несло к существу, и я, можно сказать, врезался в него, как небольшая ракета. Я сильно ударился баллонами о скользкую, похожую на металл поверхность этой диковинной шар-рыбы. Похоже, что и она не хотела встречи - отчаянно задергалась, словно пытаюсь освободиться. Но не тут-то было! Мы прилипли друг к другу, как два больших, сильных магнита, и теперь были спаяны, слиты воедино. Спустя мгновение, она рванулась и с большой скоростью понеслась вперед. "Погиб!" - лишь успел я подумать, и моей заботой стала борьба с водорослями, которые лихорадочно дергали меня за ремни, которыми я привязал к себе баллоны, а теперь, наверное, они связывали меня и с рыбой.

Вдруг я почувствовал, что вокруг становится теплее. Вначале не придавал этому значения, но вода как будто нагревалась все сильнее и сильнее. У меня на лбу выступила испарина.

В это время баллон гулко обо что-то ударился. Я огляделся вокруг. С большой скоростью мы неслись по длинному извилистому тоннелю, которому, казалось, не будет конца. "Если даже освобожусь от баллонов, мне отсюда не выбраться!" - мелькнула мысль. И в самом деле бесконечные ответвления, ходы - боковые и вертикальные, и ко всему этому - путь наш лежал сквозь какую-то прозрачную жидкость, похожую на стеклянную струю, лаву, только прозрачную.

Постепенно скорость, с которой мы плыли, стала падать. Казалось, мы прорывали какую-то пленку. Один из баллонов вдруг отделился от меня: рывок - и я оказался один. Принесшее меня сюда существо вместе с моим баллоном удалилось, и не успел я опомниться, как очутился в море света. Зелено-сине-красное облако то окутывало меня, то отпускало, и я попадал в другое такое же, которое тоже начинало меня укачивать.

Меня охватило чувство, какое я испытывал во сне: летал, не чувствуя силы тяжести, не ощущая собственного тела. Неизъяснимое чувство блаженства! Только что я уже готовился распрощаться с жизнью, только что смертельная опасность угрожала мне ежеминутно, ежесекундно! А тут творилось странное: кислород должен был давно иссякнуть, между тем я не только не чувствовал удушья: каждая клеточка моего тела, казалось, насыщена озоном. Дышать было невыразимо приятно, как будто с каждым глотком воздуха в меня вливалась удивительная бодрость. Я выпил немного воды, а она превращалась в воздух, и потом, пузырьками выходя изо рта, снова превращалась в воду. Все мое тело стало таким легким, словно я весь состоял из этих пузырьков и не имел веса.

Что происходит? Я включил баллон - он пуст, кислород давно кончился. Может быть, в глубинных слоях наблюдается такое необычное явление, а я о нем ничего не знаю? Как бы то ни было, я смогу сообщить профессору нечто новое, удивительное.

Вместе с тем я понимал, что забрался очень далеко и теперь, наверно, не найти пути обратно. Здесь, конечно, хорошо, но я не знаю причины этого явления и не могу предвидеть, чем все это кончится. "Надо уходить!" - с этой мыслью я повернул обратно.

Но как найти дорогу в этом сплошном сиянии, в этом смешении всех цветов? Я опять закувыркался в бело-розово-голубом облаке. Вдруг что-то легко дотронулось до моего плеча. Я обернулся и онемел: возле меня стояло диковинное существо и щекотало меня пузырьками воздуха. Я отскочил, оно тоже подалось назад, но тут же приблизилось еще настойчивее. Их тут, оказывается, несколько! Я стоял не дыша, а они, щекоча меня пузырьками, что-то оживленно обсуждали, притрагиваясь к моим рукам, голове, телу. Странные существа были

очень похожи на людей, только вместо рук у них были ласты, а ноги срослись в щиколотках, словно для того, чтобы им было легче плавать, и заканчивались двумя мягкими гребнями. Глаза большие, удивленные - почти в пол-лица. Тело наполовину покрыто мягкой чешуей серебристого цвета.

- Вы - кто? - попробовал я спросить. Но вместо слов получилось невнятное бормотание: в этой воде, оказывается, говорить невозможно. Да и они, вероятно, изъясняются не словами, а выпускают пузырьки: вон тот, кто первым стал ощупывать меня, выпускает то больше, то меньше пузырьков, он что-то говорит своим соплеменникам, а те отвечают ему.

Внезапно, словно повинувшись команде, они отпустили меня и поплыли прочь.

- Куда же вы? - пробовал я крикнуть, и опять рот словно залепило теплой пахучей жидкостью, слышалось лишь глухое бормотание.

Так и не смог я спросить у них, как выбраться на поверхность, как уйти отсюда! Пробовал рвануться вслед за ними, но облака тут же подбрасывали меня вверх, передавая друг другу, как игрушку...

Значит, я не представлял для них никакого интереса! Убедившись, должно быть, в том, что я безвреден, они уплыли, ничуть не заботясь о том, что будет со мною. А ведь, скорее всего, это разумные существа!

Фантазия моя заработала. Они похожи на людей, но изъясняются иначе, да и конечности у них совсем не такие. Кто же это? А вдруг это потомки тех, кто вместе с легендарной Атлантидой опустился на дно? Тогда это должны быть существа высокой культуры! Впрочем, жизнь под водой могла изуродовать их, превратить в рыб, сделать просто человекоподобными существами, утратившими сознание и высокую культуру, которые так отличали, по легендам и преданиям, людей Атлантиды! Значит, еще одно открытие! У меня закружилась голова.

Я начал ощущать сильный голод. За тревожными днями забыл поесть и теперь чувствовал себя обессиленным. Но что же есть? Вокруг росли багряные водоросли. Большие их пластины пронизаны бороздками и жилками, некоторые уже созрели и, точно как в море, покрыты темными пятнышками. Я нерешительно сорвал одну и попробовал на вкус. Странно - у нее оказался вкус икры и сваренного всмятку яйца. "Может быть, все обойдется!" - подумал я, уплетая водоросли. Есть хотелось все больше. Но вскоре я почувствовал пресыщение. Напился воды - она странно пьянила, как будто превращалась в воздух. Состояние блаженства вновь охватило меня. В этом странном мире все было необычным: вода, напоенная озоном, воздух, превращавшийся в воду, водоросли, вызывавшие ощущение вкусных, изысканных блюд.

Так началась моя жизнь в новом, неизведанном мире. Я нашел пещеру, в которой было тихо и спокойно, сплел из голубоватых водорослей нечто похожее на циновку и занавеску, чтобы не заплывали в пещеру спрутя или осьминоги. Впрочем, я их ни разу и не встретил.

По утрам любопытные, невиданные до сих пор рыбы пытались проникнуть в мою пещеру, они просовывали свои любопытные морды с вытаращенными глазами под сплетенную занавеску и лениво разглядывали меня. Ни разу не видел я здесь и акул. Но какие-то похожие на дельфинов светящиеся животные несколько раз встречались. Я пробовал подплывать к ним, но они беззвучно улетали прочь, едва я приближался. "Улетали" - слово здесь самое подходящее. В этой странной воде все живые существа словно и не плыли, а парили.

Они могли стремительно, как птицы, улететь прочь, и я не заметил, чтобы их плавники делали при этом более быстрые движения, чем обычно. И что еще странно: даже на большой глубине всегда было светло, словно от самой воды шли фосфоресцирующие лучи. Мне казалось, что даже по ночам я мог бы читать в своей пещере.

Одиночество, которого я вначале не ощущал - так много было интересного вокруг, - стало одолевать меня все чаще. Постепенно я перепробовал, кажется, все растения, которые меня

оказывали. Здесь были губки, похожие по вкусу на свинину, другие - длинные, тонкиенапоминали мне жареных цыплят. Были водоросли горькие, как перец, и моллюски, сладкие, как самые нежные конфеты. Каждый раз я пробовал осторожно, а потом, словно потерял голову, все подряд, не задумываясь над тем, что в этом мире может быть вредное, разрушающее.

Но что это за мир? Словно нарочно созданный для того, чтобы жить в нем, не испытывая никаких неудобств, он, тем не менее, цепко держал меня, случайного пленника, отражая все мои попытки уплыть. Всякий раз, когда я пытался это сделать, какие-то силы удерживали меня: на мне не было ни баллона, ни шлема - ничего! Будто сама вода была магнитной...

Постепенно, напрягаясь, по сантиметру преодолевая пространство, я определил, что нахожусь у основания очень большой подводной горы. Она занимает, может быть, тысячу квадратных километров, а может быть, весь земной шар? Я не очень хорошо знаю законы физики, но, может быть, великая гора сжала воду, а та, в свою очередь, оказала сопротивление? Может быть, поэтому мы свободно ходим под водой?

Я стал внимательно исследовать дно. Однажды доплыл до того, что мне казалось источником света, и подумал: а если это урановое излучение, которое меня отравляет? Я поспешно повернул назад. Вода теперь была ужасного вкуса - словно смешали сметану с мазутом.

Мне казалось, что я сейчас отравлюсь. Задыхаясь, приплыл в свою пещеру.

Несколько дней я не исследовал свои "владения". Но потом любопытство снова властно потянуло меня вперед. Одиночество становилось невыносимым. Я много раз пытался найти водяных жителей, которых повстречал в первый день, но бесплодно. Во всяком случае, только дважды видел вдали несколько похожих на них существ, но они быстро исчезли вдалеке, едва я попытался приблизиться.

Казалось бы, здесь можно было жить беззаботно. Сколько угодно еды новой, разнообразной. Достаточно тепла, достаточно света. Но я все отчетливее понимал, что смогу быть счастливым только тогда, когда поделюсь своими открытиями с другими людьми. Я тосковал по человеческому братству. Мне казалось: стоит только рассказать о том, что я нашел мир, который может вместить и накормить тысячи людей, как исчезнут распри, люди ринутся овладевать подводными богатствами и забудут обо всем, что омрачает им жизнь... Угнетала меня и невозможность разговаривать. Только здесь я осознал, какое великое чудо - человеческая речь, как держит нас она, как превращает в то, чем мы гордимся более всего - в живых, разумных существ!

Как жаль, что я не Дарвин и не Линней - они бы при первой встрече определили существа, что попались мне. Разумны они или нет, в какой степени похожи на нас, людей? Я не мог бы ответить на эти вопросы, даже обрисовать их как следует не сумел бы. Что за лапы у них вместо ступней? Да и можно ли называть ногами то, при помощи чего они плавают?

Я терялся в догадках, а дни шли и шли. Я уже поменял несколько пещер. Какая-то сила гнала меня вперед. Казалось, этот мир бесконечен, но, вопреки всему, я хотел найти его границы...

Однажды утром, когда я отдыхал, сделав большой круг вокруг своего нового жилья, ко мне приблизилось существо, похожее на тех, кого я видел в первый день. Я отпрянул - мне показалось, что оно тоже начнет меня ощупывать, щекоча пузырьками, а потом так же презрительно уплывет прочь. Но нет - существо пристально смотрело на меня красивыми бирюзовыми глазами. Я увидел - это женщина. И еще вспомнились сказки о русалках, которые заманивали путников, чтобы их погубить.

Мне показалось - при этой мысли у нее весело заискрились глаза, будто она узнала, о чем я

думаю. И вдруг явственно раздалось у меня в ушах, будто со мной кто-то говорил: "Не бойся, я никогда не сделаю тебе зла".

"Кто это говорит?" - подумал я и понял: говорит "русалка", как мысленно я окрестил ее. Вернее, не говорит, а внушает Это мне.

"Ты понимаешь мои мысли?" - повернулся я к ней, мысленно посылая вопрос.

Она утвердительно кивнула.

"Тогда угадай, о чем я сейчас думаю?" - снова послал я ей вопрос.

Она едва заметно улыбнулась и повернулась, как бы приглашая меня плыть за ней.

И я поплыл. Поплыл так доверчиво, как будто хорошо ее знал и не боялся ни подвоха, ни предательства. Да и о каком предательстве могла идти речь? Если бы эти существа даже и хотели сделать мне зло, они давно бы уничтожили меня - во сне ли, на охоте или в любом другом месте. И она поняла, чего я хочу - я действительно умирал от голода. Свернув в бесконечные тоннели, она остановилась перед зарослями толстых деревьев, переплетенные ветви которых, колыхаясь, уходили далеко ввысь. Жестом показала: "Ешь!"

За все время подводной жизни я не ел ничего подобного. Нежные листья услаждали нёбо, таяли на губах. Так вот они чем питаются, эти подводные жители! Да, они нашли или вывели недурные плоды! Я не мог насытиться. А она, улыбаясь, плавала рядом. Читая мои мысли, словно талантливый телепат, она, конечно, знала, о чем я думаю. Но я почти не думал. Мне было хорошо, я теперь не чувствовал себя таким одиноким.

"Ты не оставишь меня?" - спрашивал я ее.

"Нет, не оставлю. Я теперь всегда буду с тобой", - отвечали мне ее глаза.

"Но почему? Где ты была раньше? Почему не подходила ко мне?" спрашивал я.

Ее глаза уклонялись от ответа. Но я догадывался. Значит, она долго наблюдала за мной. Значит, я ее заинтересовал!

"А где все ваши?" - спрашивал я.

"Там..." - она неопределенно повела рукой.

"Где - там? - допытывался я. - Ты поведешь меня к своим?"

Она опустила свои прекрасные бирюзовые глаза.

"Меня не хотят видеть, да?" - не успокаивался я.

"Не надо", - ответила она и попыталась меня отвлечь. Подплыла к кустарнику и знаками показала, что нужно и его попробовать.

Но я уже не мог есть. Думы были об ином: значит, она подплыла ко мне без дозволения своих, и мне нельзя их видеть! Успокаивало одно: теперь у меня есть спутница, которая покажет мне все, чего я сам, наверно, никогда бы не увидел.

Забегая вперед, скажу: да, я увидел многое - разноцветные луга, на которых росли сказочно огромные, прекраснейшие цветы, которые пели, едва к ним прикоснешься. Некоторые щебетали, как птицы, и распускались в руке, как маленькие радуги. Летали - вернее сказать, плавали - над цветами бирюзовые рыбки, похожие на наших шмелей, и осторожно пили из кувшинок сладкий сок. Сладкий сок пробовал не раз и я со своей спутницей. У каждого цветка он был особый. И мне тогда казалось - я живу в чертогах великого бога Вишну и из его рук принимаю знаки райского блаженства. Но этим богом была природа, только она сотворила все это великолепие, от которого хотелось петь и веселиться, ибо жизнь ощущалась так упоительно, как, наверно, нигде больше - каждой клеточкой тела, каждой жилкой, напряженной в ожидании цветов, музыки, пения.

Мы, индусы, очень чувствительны к красоте - как, впрочем, почти все народы, и мы понимаем суть превращений. Мне порой казалось, что я превратился в другое существо, что мне даровано это превращение в награду, и мне больше ничего не надо - я готов так

существовать вечно...

А потом приходило сожаление обо всем, оставленном на земле.

Там все было труднее, сложнее, но там можно было ощущать не безмятежное райское спокойствие, а упоение жизнью, борьбой. Там можно было приносить радость другим.

Впрочем, я и моя спутница в какой-то степени ощущали эту радость. Когда она по утрам приплывала ко мне, и мы рядом, плечо к плечу, отправлялись на прогулку, Я видел, как холодным бирюзовым блеском светятся глаза, как постепенно теплеет их взгляд.

"Как тебя зовут?" - спросил я ее однажды.

"Никак", - ответили мне ее глаза.

"Как это - никак, - удивился я, - должно же быть у тебя какое-то имя, по которому тебя отличают от других?"

"А зачем мне имя? - удивилась она. - Ведь каждый, кто меня видит, знает, что это - я".

"Но он же должен тебя как-то называть?"

"Зачем? Обращаясь ко мне, он издает звук, которым обозначает только меня. Никто больше на него не откликнется. Это очень просто. Это у вас, землян, определенное количество звуков, а мы их можем воспринимать бесконечно, и каждый из них, если был хоть однажды произнесен, навеки остается в нашей памяти. Тебя теперь не спутают ни с кем другим. Ты будешь только самим собой, а не каким-то словосочетанием, которое никак не может обозначать твою сущность".

"Пусть так, - возразил я. - Но ведь мне надо к тебе как-то обращаться".

"Тогда, поскольку у тебя нет определения для меня, назови меня каким-нибудь вашим земным именем. А ты еще рискуешь забыть, как ты меня назвал".

"Тогда, если можно... я назову тебя... Зитой".

"Зита? Что оно обозначает?"

"Это имя моей любимой героини... из поэмы "Рамаяна"...

"Что такое - поэма?"

"Поэма - это когда слово будит в тебе образы, когда, читая слова, ты видишь лицо и улыбку красивой женщины, когда учишься мужеству и доброте".

"Все это мне не понять. У нас нет слов. У нас есть только звуки..."

"Я научу тебя этому, Зита. Если смогу. Я покажу тебе, как пишут у нас на земле, как звучит прекрасная речь наших поэм..."

Все это мы выражали не словами - ощущениями. Это было очень странно разговаривать вот так, не словами, но образами, ощущениями. Зита тоже многому научила меня. Но все это - потом... Потом, в той жизни, которую я прожил в этом чудесном, очаровательном мире.

Как он создался, этот необыкновенный мир? Возможно, кое-где в подводном мире создался вакуум, с равномерной силой давления, которая не опасна для человека. Какая-то неизвестная мне подводная сила, по-видимому, создавала это умеренное давление. Каким образом на такой глубине могла оказаться такая огромная скважина?

Может быть, раньше здесь были большие запасы газа, которые, постепенно улетучиваясь, создали пустоту. Эту пустоту постепенно заполнили водяные пары и растения. Вырастая под определенным давлением, земные растения приобрели совершенно другие, порою уникальные качества, да и вода так насыщена озоном, как, наверно, нигде на земле. Да и нет на земле такого богатства красок, такой прозрачности и красоты, я в этом абсолютно уверен!

Словно звезды на небе, в этом замкнутом мире жили самые разные растения: огромные зеленые лианы, багровые водоросли, синие синие, как лазуриты, кусты... И все это переплеталось, колыхалось в светлой, сверкающей воде, а, отмирая, падало на дно, и на нем, этом пласте, вырастали новые бесчисленные растения...

Здесь почти не хотелось спать. А ведь на суше сон - самое необходимое, часто более необходимое, чем даже еда. Без еды можно прожить даже месяц, без сна - и трех суток не проживешь. Хотя я и потерял счет времени, тем не менее чувствовал, что засыпаю порой, только подчиняясь могучему биоритму, одинаково мощному для всех существ на земле. Спал я всегда очень мало, но способности мыслить не только не ослабевали, напротив, здесь хорошо и продуктивно мыслилось.

Никогда еще мои мысли не были так ясны, четки и организованны.

Мне казалось - я могу здесь работать над самой сложной проблемой и не буду уставать. Но, к сожалению, я был лишен возможности вести регулярные наблюдения, чтобы записывать их и таким образом создать для работы какую-то систему. К тому же - вокруг так много чудесного и необычного, что я не мог остановиться на чем-то одном. Да мне и не хватало знаний. Как бы мог я, например, описать растение, если знал их всего несколько десятков? К тому же здешние условия так изменили и форму, и свойство растений, что только крупный специалист мог определить эти длинные, как будто целиком состоящие из мелких зеленых бусинок, ветви, что тянутся вверх?

Мне они казались улотриковскими водорослями. Потом я стал думать, что это сифоновые...

В общем, когда я задумывался о проблемах, которыми мог бы заняться, начинало ощущаться полное бессилие.

Не мог я встретиться и с обитателями океана. Зита сразу замолкала, как только я начинал спрашивать ее, как они живут. Правда, однажды, когда мы плыли с ней по голубому лесу, где резвились красные, зеленые и черные рыбы, я увидел вдалеке группу здешних обитателей.

"Поплывем к ним?" - показал я знаками.

Она заколебалась, но потом, взглядевшись, согласно кивнула. Очевидно, там были существа, которых она могла не опасаться. Мы тихо приблизились.

Странно - таких, как Зита, там было совсем немного. Больше всего было маленьких розовых русалочек, остальные - похожи на морских коней, - только помельче. В этом странном мире значительнее отличаются между собой представители разного пола. Существа женского пола были гораздо больше похожи на людей, мужского же то ли отстали, то ли, наоборот, ушли вперед в своей подводной эволюции. Несколько маленьких существ подплыло к Зите, окружило ее, она нежно касалась каждого, как будто ласкала их. Я подумал это, наверно, ее дети.

А может, любимые ею существа? Потому что, когда мы подплыли, они окружили и меня, и нежно, так нежно, как лепестки цветов, стали дотрагиваться до меня своими шелковистыми хвостами.

Наверно, Зита уже не раз рассказывала им обо мне, потому что и следа не было того презрительного равнодушия, с которым впервые оглядывали меня представители подводного царства.

Нежные прикосновения русалочек постепенно привели меня в отличное расположение духа. Исчезла настороженность. Я стал, играя, догонять их - на манер земных прятков. И они, весело смеясь, включились в игру. Старшие наблюдали за нами с явным одобрением.

Как я заметил, здесь поощрялось все, что приносило радость и веселье. Некоторое время мы весело носились вокруг голубых деревьев, похожих на ели. Но вот Зита испуганно показала мне вперед. К нам плыла еще одна группа подводных обитателей, и я понял, что Зита не хотела встречаться с ними. Неохотно оставил я маленьких русалочек. Они еще некоторое время плыли за нами, потом отстали.

"Зачем ты увела меня?" - спросил я Зиту.

Она грустно посмотрела мне в глаза.

"Ты не наш. Ты стоишь на более низкой ступени развития, чем мы, сказали мне ее глаза. -

Старейшины не позволяют видеться с тобой".

"Я? На более низкой ступени?" Я почувствовал себя уязвленным. Разве они знают что-нибудь обо мне? Откуда такое высокомерие?

Значит, и здесь, в подводном мире, существует нечто, что делит людей на касты, как у нас, в Индии?

Я плыл грустный. Почему человечество придумывает эти барьеры?

До каких пор наш мир будут раздирать не только расовые, но и религиозные, и социальные несовместимости? Разве не пора человечеству покончить со всеми распрями и сообща осваивать природу, строить, создавать? Не завоевывать, а именно осваивать. Может быть, сказочная Атлантида тоже погибла потому, что при всей своей высокой культуре не могла примириться с тем, что другие тоже тянутся к культуре и тоже способны созидать? Может быть, протяни она руку другим странам, ей бы тоже помогли, когда ее постигло бедствие? "Не грусти, милый, - беззвучно сказали мне глаза Зиты. Это не может долго продолжаться. Все мы - дети матери-природы, и чем дальше от нее уходим, тем большая кара ждет нас. Но я верю мы, наконец, поймем это. Я думаю, тебе в конце концов откроются наши дворцы, наши дома, все, что сохранили мы, потомки высочайшей цивилизации..."

"Зита! - я схватил ее за плечи. - Так, значит, все это - правда? Есть дворцы, есть исчезнувшие знания, которые человечество может использовать?"

"Есть, - грустно сказала мне Зита. - Но ими владеют посвященные. Мы же имеем только немного - например, читаем мысли, умеем переговариваться без слов, умеем лечить внушениями. Я, например, так настроена на тебя, что знаю, где ты находишься в любую минуту. Но это ведь так немного..."

Я нежно обнял ее. Мне стало хорошо. Как ни рвался я на поверхность, к людям, я понимал - здесь, в подземном мире, у меня есть друг, который всегда придет мне на помощь, где бы я ни находился.

А это всегда нужно: знать, что у тебя есть друг - и на земле, и в затерянном подводном царстве...

Случай подтвердил мою правоту. Как-то однажды, задремав в теплой, уютной пещерке, я увидел сон.

Сон был, наверно, такой, какой может видеться только под водой.

Я купался в молочных озерах, в теплой, мягкой, пахучей жидкости, которая бережно несла меня и держала, как малого ребенка. Вокруг резвились русалки. Они, смеясь, прикасались ко мне своими шелковистыми лапами и звали поиграть. И вдруг все это задрожало и как будто смялось в сознании: к нам подплыло нечто вроде огромного змея, который, жадно открыв огромную пасть, втягивал меня в нее.

Я успел заметить: внутри у него переливались красные и голубые краски, и как нечто гипнотическое, властно притягивали меня. Я пробовал сопротивляться, но на свою беду взглянул вверх, в глаза чудовища. Это оказалось роковым: из его глаз посыпались лучи, которые ослепили меня и затуманили разум. Без воли, без сопротивления, со смутным чувством близкой гибели я позволил втянуть себя в огромную пасть.

Странно: я не почувствовал ни укуса, ни удушья. Я лежал в его гигантском организме, и только усиливающийся странный звук вернул мне чувство реальности. Ах да - мы, оказывается, мчимся куда-то с огромной скоростью. И опять - тоннель. Опять повороты и ямы.

Но отчего все труднее и труднее дышать? Вокруг начинает струиться какая-то черная жидкость, у меня во рту вкус мазута. И тут, словно вырвавшись из плена, чудовище еще сильнее взмыло вверх, моментально рассыпалось и исчезло без следа.

Я лежал в черных волнах, задыхаясь от жары и удушья. Минуту спустя я понял - вокруг

меня текла нефть, а надо мной кружил вертолет. Вот он приземлился и тут же заглох. "Спасите!" - закричал я что было силы. Люди, хлопотавшие возле вертолета, посмотрели в мою сторону. Затем, говоря что-то на английском языке, стали приближаться. Рыжий англичанин вынул изо рта сигару, быстро погасил ее.

Люди окружили меня. Но почему их глаза горят такой жадностью?

Я скосил глаза и увидел то, из-за чего они смотрят на меня, как волки на добычу: на груди у меня лежал большой бриллиант. Откуда он? Ах да, я вспомнил: одна из русалок, дурачась, прилепила его ко мне, и он пристал к груди намертво. Люди попробовали отдрать камень, но это оказалось невозможным. Тогда рыжий взял нож и стал невозмутимо резать тело, чтобы забрать камень. От боли я чуть не потерял сознание. Потекла кровь. Но он не обращал внимания.

К камню тянулись и другие. Разгоралась ссора. Я попробовал отползти не удалось. Рыжий заметил мои попытки и с криком набросился на меня, не видя во мне человека. Потом, нагнувшись, он схватил камень и ударил меня по голове. Я был беспомощен, как ребенок едва спасшись из чрева чудовища, я погибал от рук людей! И всему виной драгоценный камень, который в подводных садах значил не больше, чем эти голыши под ногами! А люди, забыв обо мне, дрались, пытаясь отнять друг у друга драгоценность. Я закрыл глаза, чтобы не видеть этого. Последнее, что запомнилось: резкий запах нефти, пена на берегу, чуть окрашенная в розоватый цвет - цвет моей крови.

Что ей было, огромной волне, до моей жизни! Что было до нее всему этому огромному миру, где люди готовы были разбить голову, ближнему, чтобы выхватить камень... Чтобы забрать себе лишний галлон нефти...

Очнувшись от сна, я долго не мог прийти в себя. Сердце мое учащенно билось. Мне хотелось отвлечься, развеять грустные мысли, рожденные сном.

Я выплыл из пещеры и направился к большим диатомовым зарослям. Это нечто совершенно особое в подводном мире. Их клетки покрыты кремнеземной оболочкой. Форма этого панциря настолько затейлива и причудлива, а структура настолько тонка, изящна и красива, что ее можно принять за творение художника. Кажется, что ты попал в музей ювелирных изделий. Я сорвал несколько водорослей и утолил голод.

А вот и диатомовые заросли. Они сверкают всеми красками. Их формы превосходят все, что может придумать фантазия ювелира.

Увлечшись, я плыл всё дальше и дальше. Темнело. Но я ничего не замечал, останавливаясь возле великолепных сооружений тусклого голубоватого цвета. Прозрачные, серебристые, как ртуть, красноватые растения сплетались в густые ковры. Оступившись, я коснулся ногой одного из таких ковров. Мгновение - и нога моя была словно окутана тысячей жгучих щупалец. Я дернул ногой - напрасно: водоросли впились в меня, как пиявки. Я почувствовал боль. Неужели это страшные голодные водоросли, которые пьют кровь? Да, сомнений не было: на ноге в тусклом свете угасающего подземного дня я увидел множество красных точек - места, где водоросли соприкоснулись с ней.

В отчаянии я схватился за водоросли руками, и тут же к рукам присосались сотни щупалец отвратительных, голодных водорослей...

Я не кричал. Да и кто бы мог меня здесь услышать! Свершалась молчаливая драма, одна из тысяч и тысяч, свершающихся повсюду: обессиливание, медленная, жуткая в своем безмолвии смерть... Неужели я спасся от стольких опасностей, мечтая рассказать обо всем увиденном людям, напрасно?

Резкий взмах сверкающего луча - и водоросли отпустили меня.

Я не поверил своим глазам: рядом, яростно рассекая пути, которые высасывали из меня

силы, металась Зита.

"Зита!" - вскрикнул я, и сознание стало медленно меня покидать, как будто дожидалось чьей-то помощи.

Она подхватила меня и потащила прочь. Наверно, я очень далеко заплыл, потому что, открыв глаза, увидел, что Зита тоже обессилела.

Она опустила меня на мягкую шелковистую траву, покрывавшую песчаное дно, и села рядом.

"Что тебе подать?" - спросили ее глаза.

"Ничего не надо", - ответил я, счастливо улыбаясь.

И все же она нашла в себе силы встать, нарвала черенков, по вкусу напоминающих икру, и подала мне. Я стал есть. Силы медленно возвращались. Это было похоже на чудо.

"Ешь со мной!" - предложил я Зите.

Я смотрел, как аккуратно, словно только прикасаясь к лиловой мякоти, ест моя спасительница, - и горячее чувство благодарности, смешанное с нежностью, овладело мной. Захотелось поговорить с ней не ощущениями, как до сих пор, не образами, а на моем родном языке. Пусть бы она говорила глупости, пусть только произнесла одно-два слова. Я только сейчас почувствовал, как соскучился чи родной речи, как хочется видеть в Зите своего, дорогого мне человека.

"Зита! А ты не могла бы хотя бы немного поучить вместе со мной санскрит?"

Она улыбнулась. Потом, глядя мне в лицо, произнесла (немного запинаясь, напряженно, но тем не менее на чистейшем санскрите):

"Я давно его знаю. Ведь на нем говорите вы. А я читаю все ваши мысли. Разве не правда?"

Зита говорила! Но голос ее показался мне странно знакомым.

Да ведь это же мой собственный голос! Зита точно копировала все мои интонации. Ну, конечно, разве она могла сразу же говорить своим голосом, если в подводном мире существа объясняются либо ощущениями, либо пузырьками воздуха - длительность и интенсивность их заранее обусловлены. Ничего, пройдет время, и Зита будет говорить со мной - наверное, у нее будет нежный, бархатный, как она сама, голос...

Между тем вдалеке, хотя уже должен был быть конец дня, что-то светилось, и вокруг разливалось голубоватое сияние - такое бывает при рождении молодого месяца. Я вспомнил, что не раз уже видел это сияние в сумерках, но все как-то не удосуживался спросить о нем Зиту.

"Что это?" - показал я на источник света.

Она спросила меня, в состоянии ли я идти. Я чувствовал себя настолько здоровым, что без колебаний ответил утвердительно. Опять, как всегда в последнее время, плечом к плечу мы поплыли вперед.

Мы плыли, и впереди все яснее вырисовывались очертания источника света. Мне казалось, это было что-то треугольное. Живое ли это существо? думал я. А вдруг этот источник света смертоносен?

Зита плыла спокойно, и это меня радовало. Порой казалось, что в уголках ее рта таится лукавая усмешка. Внезапно мне почудилось, что источник света также движется, но это был обман зрения. Вот оно, существо, похожее на большую прозрачную раковину. Внутри что-то блестело, переливалось, сверкало.

Мы подплыли ближе, и Зита, наклонившись, запустила руку внутрь раковины, приглашая меня сделать то же. Наши руки погрузились во что-то холодное. Здесь были камни: яхонты, рубины, сапфиры, бриллианты - все, что составляет предмет человеческих вожделений. Теперь я понял, где брали русалочки камни для своих игр. Один из таких камней чуть не стоил мне жизни. Разумеется; это было во сне, но я знал - сон этот был слишком похож на явь. Когда-то

ежегодно охота в джунглях Африки, где были обнаружены большие залежи алмазов, уносила тысячи человеческих жизней. А сколько людей гибнет сейчас возле тихих, прекрасных лагун в нашем Индийском океане, собирая на дне ракушки, в которых медленно созревали крупные перламутровые зерна жемчужин! Вот они, мерцающие загадочным блеском, еще более светлые в сиянии огромной сокровищницы! Ракушка испускала лучи.

"Они целебны", - шепнула мне Зита.

"Да? - удивился я. - От чего же они лечат?"

Она посмотрела на меня, потом перевела взор в сторону. И словно на маленьком экране, я увидел свое тело, спроецированное на большой камень. Зита поочередно брала камни, и, направляя их лучики на определенные части моего тела, показывала, какое действие они оказывают на организм. Мне хотелось остановить ее, чтобы лучше запомнить таинственный механизм воздействия, но я подумал:

"Она еще раз с удовольствием расскажет мне все это!"

Вот тогда впервые мелькнула мысль: неужели нельзя записать все это, чтобы передать людям не только мои впечатления, но и что-то конкретное, осязаемое? Мысль мелькнула и исчезла: настолько увлекательными были ощущения, которыми Зита передавала целебное действие камней. Я чувствовал, как меня словно овеивает какая-то сила, как бодрее и сильнее бьется сердце, как быстрее бежит по жилам кровь...

Все написанное похоже на сказку. Но я все же записал. В конце концов я нашел то, чем можно было бы увековечить окружавшее меня и что до меня не видел ни один человек. Я перепробовал для записи многие водоросли, листья деревьев - но все это рвалось, такие записи долго не сохранить. Еще раньше я нашел, чем писать: настой из золотистых водорослей, в который я добавлял красных жирных рачков - он был несмываемым. Но бумага! Где взять бумагу? Помог случай.

Как-то однажды я обнаружил огромный яркий, как пламя, куст.

Я попытался дотронуться до него, но руку обожгло, и я в испуге отпрянул. Это было огненное течение, похожее на куст, струи его завивались в бешеной пляске. Удивительно: ведь я несколько раз бывал здесь, но только теперь обнаружил опасность. Кипящая вода, словно ее кто-то выталкивал из трубы, несколько раз меняла направление. Я обломал ветку длинного растения с твердым стеблем и приблизил ее к потоку. Она моментально стала дряблой, словно сварилась.

Я осторожно, минуя водоворот, спустился вниз. Там лежала куча сваренных молодых существ: очевидно, они, не углядев опасности, попали в кипящую струю. Опытные взрослые, надо полагать, обходят эти места. В куче было и несколько сваренных рыб. Из распоротого брюха одной из них выглядывал серебристый пузырь. "А что, - подумалось мне, - если попробовать писать на таком пузыре? Вполне вероятно, что он не расплывется, и моя несмываемая краска хорошо на нем запечатлется". Решил попробовать. Обломал еще один большой сук и осторожно притянул к себе несколько рыбешек. Чтобы унести их с собой, пришлось сплести корзинку. Плести было очень трудно, водоросли не поддавались, развязывались, не подчинялись моим ходам и пришлось несколько раз все начинать сначала. В конце концов, лианами связав концы, я получил нечто вроде продолговатого сосуда, в котором и унес рыб. Перед уходом постарался хорошо запомнить это место. К тому же неподалеку я увидел нечто похожее на дыню, с таким же, как и у земной, запахом и вкусом. И что удивительно, стоило мне откусить кусочек, как дыня - так я назвал ее - в этом месте тут же снова заросла. Способность растения к регенерации поразила меня. А что, если эта "дыня" поможет ученым найти вещество, введение которого в организм человека станет способствовать лечению увечий?..

В тот же день (какой это был богатый на открытия день!) я нашел неподалеку продолговатые синие, словно вены на теле, плоды. Задержавшись возле них, я случайно увидел, как они размножаются. Два крупных ствола внезапно начинают извиваться, потом осторожно пускаются в поиски. Найдя подходящую для себя пару, сплетаются, образуя фантастические, замысловатые фигуры, и постепенно сливаются. И вот уже вместо двух стволов - один, только чуть крупнее. Постепенно у большого ствола появляются тоненькие отростки. Они застывают, когда вечерние сумерки окутывают подводный мир. Пройдет много, времени, эти отростки станут большими стволами. Вкус их очень приятен.

Я совершенно забыл обо всех этих превращениях, когда проплывал как-то с Зитой мимо огромных стволов. Вдруг один из них, извиваясь, как живое существо, впился в мою спутницу.

- Зита! - бросился к ней на выручку, но тут же один отросток прилип ко мне и стал щекотать. Сразу же от дерева поползли ко мне сотни других щупалец... Они нещадно щекотали, а я хохотал и обмирал от ужаса, но никак не мог, как ни старался, оторваться от них и освободить Зиту. Она, правда, переносила это испытание спокойнее. Моя спутница даже принялась отрывать от меня отростки, хотя сама почти исчезла в мякоти огромного ненасытного ствола.

"Не бойся! - успокаивала она меня взглядом. - Оно скоро отпустит меня".

Я сделал еще одну попытку вырваться. Кажется, помогло - щупальца дерева разжались, меня отбросило назад, а стволы деревьев, колеблясь, отгоняли меня прочь.

"Зита!" - попробовал я кричать, но слышалось только бульканье у рта.

С горестью думал я о судьбе Зиты, которую опутало это чудовище, и она тщетно борется с ним... Ждал ее долго. Попытался прорваться к ней, но деревья безжалостно отгоняли меня. Я уплыл.

... Зита долго не появлялась. Я чувствовал себя виноватым, но утешался тем, что она лучше знает подводный мир, и если бы ей угрожала опасность, она непременно дала бы мне знать, попросила бы позвать кого-нибудь из ее окружения.

Коротая время в одиночестве, я много путешествовал по подводному миру. Повидал еще немало чудес: громадные подводные горы, которые плыли, подобно айсбергам, ослепительно белые, почти прозрачные. В отличие от тусклой белизны айсбергов, они словно сияли, переливались. Мне захотелось дотронуться до поверхности горы. Но едва приблизившись, наткнулся на препятствие. Попробовал обойти его - безуспешно. Подобное произошло и когда я пытался одолеть голодные водоросли. Передо мной как будто вырастала прозрачная стена. Несколько раз мне казалось, что расплющу нос об эту стену, и я стал осторожно плавать возле айсберга, пытаюсь найти просвет.

И вот я, наконец, снова увидел Зиту. Она плыла ко мне, и я почувствовал, как соскучился по ней. В подводном мире не было у меня друга вернее ее. Но только ли друга? Ее сияющие глаза сказали мне, что она все простила -- и мое бегство, и мои опасения, что она больше не придет. Мы молчали, глядя друг на друга. Я осторожно дотронулся до ее голубых волос. Они вились, подобно шелку, в прозрачной воде. Потом осторожно провел по ее плечу, по мягкой, нежной чешуе ее рук.

Она закрыла глаза и прижалась ко мне. Все было необычным в этом необычном мире - и сказочная эта девушка, подводная русалка, и моя нежность, и радость, которую мне доставлял лишь один взгляд ее огромных бирюзовых глаз... Я забыл обо всем, что нас разделяло. Забыл о том, что могу потерять Зиту, если попытаюсь вернуться к людям. Нам было хорошо вдвоем. И вставшие стеной желтовато-зеленые водоросли скрыли нас от всех, кто хотел бы заглянуть сюда в эти счастливые минуты.

О великая природа, все тебе подвластно! Ты создала из воздушной пыли землю, из

испарений - воду, из крохотных белков и органических соединений человека, который теперь постепенно вырывает у тебя одну за одной тайны и угрожает самой матери, породившей его! Но у тебя еще много сил, и много загадок предстоит узнать твоему сыну, и некоторые ему никогда не разгадать, потому что нет, наверное, человека, который бы мог разгадать загадку любви любви мужчины к женщине, нежности, которой переполняется сердце при виде любимого существа!

Некоторое время я не мог ни о чем думать. Зита приплывала ко мне каждый день, и мы подолгу плавали в подводном мире. И каждое впервые увиденное растение, куст или живое существо наполняли нас впечатлениями, словно живой, волшебной водой.

Жил я неподалеку от кипящего источника. Однажды вспомнилась задумка: приспособить для записей рыбки пузырьки. Опять зачастил я к источнику. Здесь Зита не появлялась. Собирая сваренных рыб, я увидел маленькую русалочку одну из тех, что когда-то вились около Зиты.

"Где Зита?" - спросил я русалочку.

Она с любопытством смотрела на меня и делала вид, что не понимает (а может быть, на самом деле не понимала), о чем я говорю.

"Почему нет Зиты?" - снова спросил я маленькое существо.

"Поиграй со мной!" - неожиданно попросила она.

Я растерялся. Одно дело, когда русалочки в стаде, а как играть с одной такой малышкой? А она внезапно дотронулась до меня и стала уплывать, оглядываясь назад, как бы приглашая: "Поиграй!" Я улыбнулся, в два взмаха рук догнал ее и, легонько дотронувшись, повернул назад.

Русалочка разгорелась, светлые бирюзовые глазенки ее сияли от радости. "Дети - всегда дети", - подумал я. А здесь они, наверно, слишком рано должны становиться взрослыми, вот и хочется ей еще раз поиграть в незнакомую загадочную игру, в которую играют на земле миллионы детей. Я и сам увлекся, разыгрался, почувствовав себя мальчишкой.

Увлечшись, совсем забыл о кипящем ключе. До сих пор не могу простить себе такой опрометчивости. Ведь я уже совсем взрослый, мне девятнадцать! Как я мог забыть о том, что кипящие струи уничтожают все живое. Моя русалочка, погнавшись за мной, сделала слишком крутой вираж и рукой прикоснулась к блестящей, как змея, струе, завихрившейся возле источника. И мгновенно, издав слабый крик, бессильно раскинув руки, стала опускаться на дно.

Я настиг ее уже возле самого дна. Она была бездыханна. Светлые глаза закрыты, головка запрокинута. Я оттащил ее подальше от источника, сел возле и в отчаянии закрыл глаза. Что я скажу Зите?

Мелькнула подлая мысль: не признаваться ни в чем, отплыть подальше от этого места и сделать вид, что ничего не знаю о гибели русалочки. Но тут же вспомнил: Зита все равно прочтет в моем сознании обо всем случившемся. "Но ведь ты не виноват! - кричал во мне голос самозащиты. - Не ты толкнул русалочку в кипящий омут!" - "Но ты обязан был все предусмотреть! - говорил во мне голос обвинения, и он был сильнее. - Ты, взрослый, а она совсем мала!"

Мне захотелось опять попасть к голодным водорослям. По крайней мере, быстро избавлюсь от всего - и от страшных угрызений совести, и сожалений о так рано погибшей жизни, и страха перед Зитой... Но я подумал о книге. Книга должна быть написана! Мои личные переживания - ничто по сравнению с тем, что я должен рассказать людям!

* * *

С той поры я долгие часы проводил над страницами, сделанными из рыбьего пузыря. Я писал с трудом, потому что необычными были и материал, и карандаши - они то и дело

ломались в руке и приходилось их сваривать. Но я писал - страница за страницей, писал специально на древнем санскрите, чтобы быстрее заметили люди. Писал о фантастических лесах, которые размножаются буквально на глазах, о плодах со вкусом сумалака, дыни и арбуза, о растениях, которые заменят фабрику пряностей. Писал о подводных существах, которые с презрением приняли меня, пришельца из другого мира, и о верной мне из этого неведомого племени... О водяных вихрях, внезапно возникающих в разных местах и уносящих жизнь за жизнью, и о сверкающих айсбергах, к которым не дано подойти смертному...

Наконец, книга была готова. Я поплыл к огромной ракушке хранительнице лечебных камней, и украсил обложку книги, которую сшил из рыбьей кожи, самыми красивыми. Пусть, если кто-либо усомнится в написанном, эти драгоценные камни послужат лучшим доказательством того, что все, о чем я пишу, - правда. Я стал отшельником. Впервые испытал я радость отречения, радость творчества. Понял тихое спокойствие духа древних мудрецов, удалявшихся в хижины, чтобы подумать обо всем, что нас окружает, чтобы понять главное - для чего мы живем. Для чего весь этот мир - такой манящий, наполняющий душу восторгом, ужасом и печалью потери?

Я не расставался с книгой. Куда бы теперь я ни плыл, она всегда лежала у меня на груди. Все могло случиться. Но пусть я даже погибну, она не пропадет бесследно в пещере!

А Зита почему-то не приплывала. Я не очень отчаивался - горечь потери забывалась в работе. Я писал, затем отправлялся на поиски нового.

Сколько минуло времени - не знаю. Но однажды, плывя вдоль ленточного, густого, извивающегося леса, я увидел дыру. Может быть, мне показалось, но это было нечто похожее на тоннель, которым принесла меня сюда рыба. Я подплыл ближе. Да, массивные стены, темные ямы, из которых веяло холодом... Это был тот тоннель!

Не сразу рискнул я отправиться туда: нужен был источник света. Соорудив нечто вроде факела из крупных, похожих на мышей, подводных светлячков, я осторожно двинулся вперед.

Стены оплели водоросли, из темноты на меня, казалось, смотрели сотни светящихся глаз. Но я плыл вперед. Столько опасностей было позади, что теперь, когда я как будто нащупал путь возвращения, никакая сила не могла бы заставить меня покинуть тоннель!

Вдруг порыв холодного ветра вырвал из рук мой живой факел, взметнул его. Рассыпавшись светлячками, он исчез. И не успел я опомниться, - меня закрутило, завихрило, потащило вперед. Удивительное дело, я не чувствовал страха. Место, куда меня стремительно вынесло, было безводным воздушным пространством. На площади величиной с большую комнату образовался своеобразный вакуум. Я влетел в него, словно воздушный шарик. Стены, переливаясь, слабо поблескивали влагой. Я почувствовал тошноту: конечно, сказалась привычка дышать водой, и холодный воздух подействовал так, словно человеку, потерявшему сознание, поднесли к ноздрям ватку с нашатырным спиртом.

Это было так внезапно, что я обессилел и прислонился к стене.

Обвел глазами - пещера. Очень даже уютная. В глубине - нечто вроде ложа, так приподнимались ее стены.

В ней я дописал последние страницы своей книги. Здесь я думал о том, что больше никогда не увижусь с Зитой. А может быть, с ней что-то случилось? Об этом мне уже никогда не узнать. О, если я выберусь на поверхность, одарит ли меня жизнь такой же верной спутницей, какой была загадочная русалка из подводного мира, которую я назвал именем любимой героини! Зита для меня - олицетворение верности. Верность, которую все реже встретишь в земных девушках.

Редко кто любит нас ради нас самих. Прельщают звания, богатство или манит выдуманный образ идеального возлюбленного. Но Зита любила меня ради меня самого. Стоило мне сказать слово и она обрекла бы себя на изгнание, ушла бы со мной в безмолвие океана, чтобы быть

рядом, отреклась бы от своих соплеменников.

Но я не сказал этого слова. Я все время жил мечтой о возвращении. Возместит ли мне земля то, что я потерял под водой?

С такими мыслями я вставал и ложился. Удивительно, но я был уверен в том, что обязательно выберусь отсюда, и внимательно изучал все ходы и ответвления гигантского тоннеля, собирая на всякий случай светляков и вооружаясь запасом съедобных водорослей.

И вот однажды... Этот день памятен тем, что я написал последнюю страницу книги. Чтобы писать еще, нужно было изготовить вторую книгу, а это значит - возвращаться туда, где был горячий источник, выдирать пузыри из погибших возле ключа рыб. Я был готов и к этому. Разумеется, тогда придется потерять тоннель. Но я уже стал осторожнее, сильнее, хитрее. Я усвоил многие законы подводного мира, и, может быть, на этот раз мне повезет.

Я проплывал мимо одного из ответвлений тоннеля, когда обнаружил водяную пленку. Приблизившись к ней, почувствовал, что она плотнее, гуще и почему-то пахнет медом. Преодолеть ее почти невозможно. Но за ней ясно видны очертания -какой-то дверцы. Место это показалось мне очень знакомым. Неужели это и есть дверца, через которую я попал в подводное царство?"

... Я слушал рассказ дедушки Асада до рассвета. Что же случилось с автором книги? Его действительно убили, или утонул, не перенеся условий подводного мира? А может быть, он потерял книгу, возвращаясь на землю, и ее нашел дедушка Асад?

У нее своя судьба, у этой загадочной книги.

Когда торговое судно возвращалось из Канады, оно попало в сильный шторм. Судно получило повреждение и стало тонуть. Дедушка Асад привязал книгу к телу, чтобы она, какие бы испытания ему ни выпали, была всегда с ним. Она стала дорога ему, как дорого нам все, что уводит от привычного круга существования, зовет в иные края, обещает иные открытия.

Крутые волны подхватили его, несмотря на спасательный пояс, и понесли в океан. Он потерял сознание. Его нашли через три дня, но книги при нем не было. Может быть, унесли бурные волны, может быть, утащили прожорливые чайки?

- Мне показалось, что вместе с книгой унесли и мое сердце, рассказывал дедушка Асад. - Говорят, что когда меня спасли, я все время прижимал руки к телу так сильно, что их не могли оторвать, и все говорил: "Книга, книга!" Меня сочли потерявшим разум. После выздоровления долго лечили от психического расстройства, советовали изменить место жительства, уехать в теплые края, создать семью. Но мысль о том, что где-то существует, другой мир, другое измерение, преобразила меня. Я не мог и думать о спокойной жизни: стал плавать на других кораблях, запил. Напиваясь в портовых тавернах, говорил все о том же - о своей утрате. Меня даже прозвали "Книгой из рыбьих пузырей". Ведь люди перестали верить в чудеса. Им доступно только то, что они могут сами пощупать руками, да и то не всегда верят этому. Говорят, что, приходя к Галилею и воочию видя все, о чем он говорил, многие презрительно пожимали плечами и продолжали верить, что земля покоится на китах, на львах или... крокодилах... Почему мы так косны? Почему мы не хотим верить в чудо?

Я думал о парне, который написал все это. А может быть, его снова увела в подводный мир тоска о любимом существе, сказка о верности, которую он не мог осуществить здесь, на земле? Во всяком случае, я ему завидовал. А впрочем, может быть, через некоторое время - он и сам стал сомневаться в себе, сам стал считать, что все это приснилось ему - все, о чем он так увлекательно написал? Где же он сейчас? Может быть, на глубоком дне, а может быть, живет в своей голубой пещере и слушает рассказы русалки с бирюзовыми глазами?

Я слушал старого моряка как замороженный. И в моем сердце и сознании все росла извечная тоска - тоска человека по новым мирам, по новым открытиям. Если одна встреча с неведомым

могла повернуть жизнь бывалого моряка - дедушки Асада, так не отзовется ли она и на всей моей жизни?

Мне хотелось бы найти если не загадочную книгу, то сам подводный мир, заглянуть в бирюзовые глаза умной русалки, которая умеет говорить ощущениями и быть верной подругой.

Вон течет ручеек. Ведь он где-то впадает в океан. А дно этого океана хранит тайны. Может быть, мне удастся, как этому ручейку, хотя бы коснуться еще одной великой тайны природы? Как знать, как знать. Важно мечтать, уметь мечтать. И - верить в чудо...